

Лу Минсяо перевел взгляд на человека, стоявшего за спиной завуча. Высокий, стройный юноша только что вошел в класс, его мягкие темно-каштановые волосы слегка колыхались от сквозняка в коридоре. Спокойный взгляд новенького скользнул по одноклассникам.

Он не выказал ни капли неловкости в новой обстановке, быстро встретившись глазами с Лу Минсяо.

Уголки его глаз едва заметно изогнулись, словно он был совершенно доволен ошарашенным выражением лица Лу Минсяо. В его обычно холодных и чистых зрачках внезапно вспыхнула искорка юношеского задора.

Лу Минсяо ошеломленно наблюдал, как юноша подошел к трибуне, кратко представился и аккуратно вывел свое имя на доске:

Цзян Хуайюй.

Странно, но уголки губ Лу Минсяо невольно поползли вверх, и он не смог подавить улыбку.

Завуч, питавший слабость к ученикам с красивым почерком, одобрительно кивнул и жестом предложил Цзян Хуайюю найти себе место. Затем, вспомнив о другом ученике, всё еще стоявшем в наказание, он бросил на Лу Минсяо укоризненный взгляд, в котором читалось разочарование из-за нераскрытого потенциала, и велел ему вернуться за парту.

Рассадка в классе не зависела от роста. Вместо этого при каждой смене мест ученики перемещались по диагонали вперед, что давало даже высоким ребятам шанс посидеть на первой парте. Лу Минсяо сейчас занимал место в четвертом ряду у окна, в то время как единственное свободное место находилось в четвертом ряду у стены — в самой дальней от него точке.

Цзян Хуайюй сел рядом с миниатюрной девушкой и принялся рыться в стопке только что выданных книг, разыскивая учебник химии.

Сосед по парте, Лян Цзин, толкнул Лу Минсяо локтем:

— Брат Сяо, ты чего шею тянешь? Новенького рассматриваешь?

— Ага, — ответил Лу Минсяо с легкой улыбкой на губах. Он подпер подбородок рукой, и его взгляд, скользнув по классу, замер на Цзян Хуайюе. — Этот новенький довольно симпатичный, правда?

Лян Цзин озадаченно посмотрел на него:

— Это-то да, но к чему этот самодовольный вид?

Лу Минсяо промолчал, украдкой вытаскивая телефон, чтобы написать Цзян Хуайюю.

Лу Минсяо: Цзян Сяобао, ты, хитрая собака! Решил устроить брату сюрприз, да?

Цзян Хуайюй явно был из тех образцовых учеников, что не смеют прикоснуться к телефону во время урока. С ручкой в руке он прилежно делал пометки в новом учебнике. Лу Минсяо и не ждал немедленного ответа. Он сунул телефон обратно в учебник, подальше от чужих глаз, и заметил, что его книга открыта не на той странице. Он дважды крутанул ручку в пальцах, прежде чем осознал: задача, которую объяснял старик, была из тех, что Цзян Хуайюй уже разобрал вместе с ним. Пролистав несколько страниц назад, он нашел этот вопрос и нарисовал маленькую треугольную рыбку рядом с его номером.

Цзян Хуайюй на самом деле не смотрел в телефон, но смарт-часы на его запястье, связанные с ним, мигнули. Его ручка замерла на полуслове — он уже догадался, что именно написал Лу Минсяо.

Прозвенел звонок, возвещающий об окончании урока. Старик едва успел выйти за дверь, как Лян Цзин радостно воскликнул:

— Брат Сяо, пойдем в баскетбол поиграем!

— Иди сам, — бросил Лу Минсяо, поднимаясь. Он пробрался сквозь два средних ряда парт и выходящих из класса учеников, направляясь напрямик к Цзян Хуайюю, который всё еще сидел, убирая книги.

— Цзян Сяоюй! — вслед за голосом теплая сухая ладонь бесцеремонно взъерошила пушистые волосы Цзян Хуайюя. Лу Минсяо взглянул на пустое место позади, пододвинул стул и сел, почти полностью перегородив проход своими длинными ногами. — Ты почему вдруг вернулся? Надолго в этот раз? Ты же уже перевелся в ту школу, так что... ты снова уедешь?

Его глаза искрились смехом, словно в них упали звезды. Цзян Хуайюй не смог сдержать ответной улыбки.

— Я обсудил это с мамой и папой. Мы решили, что я закончу старшую школу здесь, так что... боюсь, твоя комната еще не скоро вернется в нормальный вид.

— Это ужасно... — сказал Лу Минсяо, хотя глаза выдавали его веселье. — Но раз уж ты купил мне те кроссовки, так и быть, нехотя разрешу тебе остаться.

— Это и мой дом тоже, — возразил Цзян Хуайюй, игриво вскинув бровь. — Кстати говоря, ты получил не только кроссовки. Как тебе те вкусняшки, что я прислал?

— Зубы у брата Сяо в отличном состоянии!

— Э? Цзян Сяобао... — Лу Минсяо усмехнулся. — Ты уже научился подкалывать старшего брата...

Соседка Цзян Хуайюя по парте уже некоторое время молча прислушивалась. Наконец она не выдержала и наклонилась, чтобы спросить:

— Брат Сяо, ты знаешь нашего нового одноклассника?

Она повернулась к Цзян Хуайюю с яркой улыбкой:

— Привет, новый сосед! Я Чжо Жань, культурно-массовый организатор класса.

Цзян Хуайюю кивнул с мягкой улыбкой:

— Приятно познакомиться.

— Он мой двоюродный брат, — сказал Лу Минсяо. — Ну как? Хорошие гены в нашей семье, верно?

Лян Цзин, возникший из ниоткуда, воскликнул:

— Однозначно! Брат Сяо, у вас в семье что, правило: того, кто недостаточно красив, вычеркивают из родословной?

Вокруг собралось еще больше учеников, их голоса перекрывали друг друга:

— Брат Сяо, это твой брат? Значит, теперь он будет тусоваться с нами?

— Цзян Хуайюю, верно? В баскетбол играешь? Будем вместе играть на физре!

— Брат Сяо, добавь новенького в наш классный чат! А то он пропустит все объявления.

— Брат Сяо...

Цзян Хуайюю всегда знал, что Лу Минсяо популярен, но не ожидал, что благодаря этому его так быстро примут в коллектив. Как только его представили как «двоюродного брата Лу Минсяо», ученики 5-го класса 11-й параллели, казалось, прониклись к нему безоговорочным доверием.

Не привыкший к такому теплу, Цзян Хуайюй почувствовал себя немного ошеломленным. Лу Минсяо заметил его дискомфорт, встал и разогнал подшучивающую толпу. Когда звуки фортепианной музыки, искаженные электронными помехами, затихли (звонок на урок), ученики постепенно разошлись по местам. Лу Минсяо выудил из кармана конфету, взял Цзян Хуайюя за руку и вложил её ему в ладонь.

— С возвращением, Цзян Сяобао.

Новый кампус находился недалеко от дома Лу Минсяо. Он мог ездить домой на обед на велосипеде, подвозя Цзян Хуайюя на багажнике. Чтобы не волочить длинные ноги по земле, Цзян Хуайюю приходилось неловко их поджимать, из-за чего поездка была не самой удобной.

— Терпи, почти приехали, — подбадривал Лу Минсяо, без усилий крутя педали на полной скорости, пока его расстегнутая школьная форма хлопала на ветру. — К твоему сведению, молодой господин, папа готовить не может — ты же знаешь о его состоянии. Он не выносит запаха жареного масла. Мама обычно готовит побольше еды утром, чтобы мы могли просто разогреть её на обед. Она делает такие блюда, которые остаются вкусными и после разогрева. Но если тебе всё равно не понравится, придется есть лапшу быстрого приготовления.

— Я привык. Я ел её на летних каникулах, — сказал Цзян Хуайюй, блаженно закрыв глаза под прохладным ветерком в тени деревьев. — Я заехал домой утром, чтобы оставить вещи. Мама уже ушла на работу, и папы тоже не было. Хуцзы открыл мне калитку.

— Хуцзы открывает калитку только своим. Папа, наверное, на доставке. Он так обрадуется, когда увидит твои вещи, — сказал Лу Минсяо, пока велосипед подпрыгивал на неровной дороге. — Держись крепче, не свались.

Не раздумывая, Цзян Хуайюй поднял руку и обхватил Лу Минсяо за стройную талию.

Спина Лу Минсяо напряглась.

Хотя Цзян Хуайюй не сжимал его крепко, его рука ощущалась на удивление весомо, мягко обвивая талию Лу Минсяо. Тепло его кожи просачивалось сквозь тонкий рукав летней школьной формы, и Лу Минсяо необъяснимо стало жарко.

«Как странно, — подумал Лу Минсяо. — Ли Жуй тоже ездил сзади и хватался за меня на кочках, но его рука ощущалась не иначе как лапа Хуцзы. Что не так сегодня? Просто жара?»

Пытаясь отвлечься от руки Цзян Хуайюя, Лу Минсяо спросил:

— Тебя там дома обижали?

Цзян Хуайюй помедлил.

— ...Нет.

— Спорим, обижали. — Пока велосипед катился под горку, Лу Минсяо легонько звякнул звонком. Под чистые, звонкие трели он запел: — Рыбка, рыбка, уплывай скорее, а не то поймает рыбак тебя сетью...

Цзян Хуайюй расхохотался.

Вечером того же дня Ли Цин вернулась домой. Еще не войдя во двор, она услышала звонкий смех и лай собаки.

Она замерла у калитки, в замешательстве прислушиваясь, пока не услышала чистый голос юноши, в сердцах ругающегося:

— Лу Дабао! Ты это нарочно!

Очнувшись от раздумий, она потянулась к калитке, но помедлила, смущенно отряхивая пыль с одежды. На полпути она усмехнулась.

«Да что я делаю? Моему Сяобао будет наплевать на какую-то пыль».

Она толкнула калитку и увидела, как Лу Минсяо поливает из шланга Хуцзы*, который ловко уворачивался от струи и нырял за спину Цзян Хуайюю, ища укрытия. Собачий поводок чуть не сбил Лу Минсяо с ног; он дико замахал руками и случайно облил Цзян Хуайюя с головы до ног. Получив порцию воды несколько раз, Цзян Хуайюй заподозрил, что Лу Минсяо делает это намеренно. Он схватил тазик из ведра с водой и нанес ответный удар, окатив Лу Минсяо.

Прим. пер: Имя «Ху Цзы» (胡紫, hǔzǐ) буквально переводится как «тигренок». Иероглиф «ху» (胡) означает «тигр», а «цзы» (紫) — уменьшительно-ласкательный суффикс, часто используемый в именах и прозвищах.

— А-у-у! Цзян Сяобао! Ты мне воду в рот залил!

Оба парня, промокшие до нитки, продолжали водную битву. Лу Чуань сидел в спальне, наблюдая за этой сценой с теплой улыбкой через светлое окно.

Увидев это, Ли Цин почувствовала, как вся её усталость испарилась. Она рассмеялась и прикрикнула:

— Ах вы, бунтари! К вечеру холодает — простудитесь же! Живо в горячий душ!

Цзян Хуайюй почувствовал легкое смущение, но, как ни странно, шутливые слова Ли Цин успокоили его мятущееся сердце. Он посмотрел на нее, его глаза заблестели, и слово мягко сорвалось с его губ:

— Мама...

Ли Цин тут же крепко обняла его, ободряюще похлопав.

— Сяобао... можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь. Если тебе здесь хорошо — живи подольше. Мама приготовит твои любимые блюда. А если захочешь вернуться — можешь уехать в любое время. Твое счастье — это самое главное.

Цзян Хуайюй поднял руку, осторожно обнимая Ли Цин в ответ, и склонил голову, чтобы скрыть покрасневшие глаза.

Той ночью Цзян Хуайюй снова лежал на узкой односпальной кровати.

Окно было открыто, и со двора доносилось редкое стрекотание цикад. Занавеска из бусин, «Драгоценных как жемчуг», мягко покачивалась от ночного ветерка, приподнимающего край. Лу Минсяо вошел с голым торсом, вытирая волосы полотенцем. Спустя мгновение со стороны кровати за деревянной перегородкой послышался скрип — Лу Минсяо лег.

— Цзян Сяобао, — позвал он, — ты еще не спишь?

— Еще нет, — ответил Цзян Хуайюй, поворачиваясь к перегородке; его голос был сонным. — Но уже клонит в сон. Ты хотел что-то спросить?

— Да нет, ничего особенного... — Лу Минсяо помедлил, в замешательстве почесывая влажные волосы. — Тьфу, но я всё равно спрошу...

Он на мгновение собрался с мыслями и наконец спросил:

— Мне это кажется очень странным. Когда ты обнял меня сегодня, мне показалось, что я прямо горю. Ты не заболел? Но я потом потрогал твой лоб, жара не было. Цзян Сяобао...

Он подождал ответа, а потом заглянул за перегородку.

Молодой господин, измотанный целым днем беготни, уже уснул, слегка свернувшись калачиком в позе, которая казалась почти беззащитной.

Лу Минсяо улыбнулся, списав ощущение жара на полуденное солнце.

Он тихо прошептал:

— Спокойной ночи, Цзян Сяобао.

<http://bllate.org/book/14891/1621356>